

Пятина

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ

1974

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МОСКВА 1975

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

балок, стены строили из двухрядного каркаса, который заполнялся гувалю (формованными от руки кусками глины); позже, после прихода русских для этой цели стали употреблять сырцовый кирпич. Для каркаса применялось разное дерево — на нижние и верхние обвязки каркаса употребляли арчу, а на стойки шел тополь, реже — тал. В Мерке своего леса почти не было, дерево для строительства домов привозили из Аулие-Аты, поэтому оно было необыкновенно дорого.

Обычай «хошар» (привлечение широкого круга соседей для строительства дома) был мало распространен. Обычно приглашали двух мастеров-строителей (в Мерке славились два мастера — уйгур и узбек из Ташкента) и самых близких родственников. Вообще традиции соседской общины в этих местах не были столь сильны, как в центральных районах Узбекистана, что объясняется, в частности, значительным проникновением в среду местного населения товарно-денежных отношений.

За весь период своего более, чем столетидесятилетнего проживания на территории Джамбульской области Казахской ССР узбеки самым тесным образом были связаны с центральными районами Узбекистана — Ферганой и Ташкентом, причем в места своего нового расселения принесли все достижения, присущие оседлому земледельческому населению Средней Азии начала XIX в. В определенной степени они возродили в этих областях культуру земледельческого хозяйства, пришедшую в полный упадок в XVI—XVIII вв. Положительна роль узбеков и в восстановлении торговых путей, которые в результате бесконечных междоусобиц казахских феодалов полностью потеряли свое прежнее экономическое значение. Торговые и культурные контакты между кочевниками-казахами и земледельцами-узбеками, безусловно, имели большое значение для развития края и были полезны для обеих групп населения.

Р. Р. РАХИМОВ

*

«ДОМА ДЛЯ ГОСТЕЙ» У ТАДЖИКОВ БАСЕЙНА ЗЕРАВШАНА

Как свидетельствует этнографическая литература, относящаяся к ягнобцам, вплоть до 40-х годов нашего столетия в среде этой одной из древнейших ираноязычных групп Средней Азии, обитавших до недавнего времени в верховьях Зеравшан-

ской долины, существовал обычай совместной трапезы, устраивавшейся мужчинами селений в *мехмонхона́* (тадж. — дом для гостей). Обычай коллективной трапезы мужчин отмечен исследователями и в других районах Средней Азии.

Среди вопросов, которыми занимался автор этой статьи за время полевого сезона 1973 г.¹, было изучение этого интереснейшего в этнографическом отношении явления. Полученные сведения показывают, что обычай этот наблюдался и в повседневной жизни всех таджиков бассейна реки Зеравшан в пределах Таджикской ССР.

По нашим наблюдениям, функционировавшие еще в недалеком прошлом зеравшанские мужские «дома для гостей» могли быть как общественными — в этом случае они назывались «мехмонхонаи байни» (умуми), так и частными, называвшимися «мехмонхонаи хусуси» (шахси). Эти последние чаще назывались по именам их владельцев.

Общинные гостевые дома — мехмонхонаи байни — теперь не функционируют. В отдельных местах они пришли в ветхость, а в других, например в кишлаке Реват, сохранились лишь остатки зданий. Общинные гостевые дома, по рассказам населения, раньше имелись в каждом селении, причем в больших селениях, таких, как Ёри, Мазари-Шариф, Урметан и др., они имелись в каждом квартале. Такие гостевые дома были собственностью всего селения или сельского квартала, на территории которого они устроены. Строились они сообща, всем селением или жителями данного квартала. В строительных работах участвовала каждая семья, внося долю своего труда или необходимые материалы. Ремонтные работы также производились совместными усилиями односельчан. Любопытен в этой связи пример постройки одного из сохранившихся мужских домов в Урметане (Лянгар). Об этом доме, функционировавшем в прошлом, информаторы сообщили, что, по передававшимся им рассказам, он был построен из строительных материалов, оставшихся от сооружения мечети, — *масчид*, на основе совместного труда — *хашар*, в котором, объединившись в товарищества взаимопомощи, принимали участие жители сельского квартала — *гузар*.

Зеравшанская традиционная мехмонхона — это, как видно из ее названия, место, где оказывали гостеприимство путнику, лицу, постороннему для данного селения, если он по каким-либо делам остановился в селении. Кроме того, это место, где в зимнее время,

¹ Автор работал в составе Среднеазиатской этнографической экспедиции (ее руководитель — Б. Х. Кармышева) в Зеравшанской и Гиссарской долинах Таджикской ССР в связи с необходимостью сбора полевых материалов по традиционным способам перевозки, обмолота и хранения урожая, а также по сельскохозяйственным орудиям для Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

после окончания сезона полевых работ собиралось мужское население для традиционной совместной трапезы, коротая по вечерам время за совместной беседой, тут же выступали местные музыканты, певцы и сказочники. В такие объединения, куда вступали мужчины данного селения или сельского квартала (за исключением лишь глубоких стариков), принимали только тех, которые могли произвести необходимые для коллективной трапезы затраты. Так, ее члены по очереди приглашали всех остальных к своему *дастурхон* — скатерти с угощением. Такие собрания мужчин, называвшиеся всюду в Зеравшанской долине *гаштак*², проводились от одного до двух-трех раз в неделю. Число членов собрания колебалось от 15 до 35—40, а в отдельных местах доходило до 50—60 человек. Члены мужских объединений не были строго расчленены по возрасту.

Теперь переходим к рассмотрению общего облика зеравшанских «домов для гостей». Один из них, например, общественный гостевой дом в упомянутом выше Урметане, представляет собой прямоугольную в плане постройку, состоящую из основного помещения, где располагались участники мужского собрания, передней — *дахлез* и, судя по сохранившемуся каменному цоколю, продольной крытой террасы — *айвон*. Размеры общей площади дома — $8,5 \times 3,8$ м, основного помещения — $5,2 \times 3,8$ м. Размеры террасы — по сохранившемуся каменному цоколю — 10×2 м. Эта мехмонхона выстроена так же, как и местные жилые дома в этом селении, особенностью которых являются каркасные конструкции. Ориентация фасадной части — южная. Дом поставлен на каменный цоколь, залитый глиной. Конструкция стен представляет собой двухрядный каркас — *кушинч*. Стены заложены сырцовым кирпичом прямоугольной формы. Вся сохранившаяся часть постройки оштукатурена глиной, цементирующим материалом которой служит мелкая солома — *каш*. Перекрытие составляют деревянные балки — *болор*, пространство между ними забрано жердями — *васса*. Поверх васса уложены стружки — *парахча*, покрытые земляной засыпкой и глиной с соломой. Пол — земляной. В передней, справа от входа был, по рассказам, камин, который не сохранился. В противоположной от камина стороне имеется дверь в основное помещение. В этом помещении в каркасных стенах устроены вытянутые в высоту прямоугольной формы ниши — *токча*, куда складывались различные вещи. Одна ниша против входа начинается прямо от пола. В нее складывались

² Термин «гаштак» образован от основы таджикского глагола прошедшего времени *гаштан* (вращаться, ходить, гулять, прогуливаться) — *гашт* и суффикса *-ак*, образующего отглагольные имена существительные. Таким образом, термин «гаштак» на русский язык можно перевести как переход очереди угощать от одного лица к другому.

на день одеяла, приносимые сюда наряду с паласами, кошмами, козыми или овечьими шкурами, стелившимися на пол шерстью кверху. Отметим попутно, что все эти вещи, а также посуда приносились участниками мужского объединения. Их не уносили из гостевого дома, держали для общего пользования. В этом «доме для гостей» сохранились два больших световых проема со ставнями — *дарича* — со стороны террасы. Обе *дарича* — двустворчатые. Когда участники мужского собрания расходились по домам, *дарича* с внутренней стороны закрывалась на металлические цепочки, называемые *занчир*. В центре основного помещения было устроено *сандали*, — по рассказам, такого же типа, как и в других таджикских жилищах Зеравшана и Средней Азии вообще³.

Наиболее полное представление об устройстве зеравшанских «домов для гостей» дают такие «дома» в кишлаках Ёри и Мазари-Шариф, расположенных немного ниже, в предгорной части долины. За небольшим исключением общинные гостевые дома в этих кишлаках устроены так же, как в указанном Урметане, и состоят из основного помещения, передней и террасы. Но относительно лучшая их сохранность позволяет получить более детальное представление о специфических чертах, общих для мужских гостевых домов зеравшанского типа. Сошлемся на гостевой дом в Ёри — кишлаке на правом берегу Зеравшана. Существенной деталью его внутреннего устройства являлись имевшиеся в нем очаги. В этой мехмонхоне раньше имелось два очага, из которых сохранился один — *касаба*, прилегающий к одной из сторон передней, справа от входа в помещение мехмонхона. Эта *касаба* так же, как в *хиджра*⁴ ягнбцев и жилых домах таджиков предгорной части Зеравшанской долины, представляет собой нишу из трех стенок с дымоходом, которая начинается от пола. Передняя стенка *касаба* примерно на 1,5 м от пола вырезана таким образом, что принимает форму треугольной арки. Вверх в стене идет дымоход, который заканчивается на крыше колпаком — *мурин*. Собственно очаг — *оштон* — изготовлен в виде полуцилиндра, возвышающегося от пола примерно на 0,5 м. Стенки *оштон* с вырезом в центре примыкают вплотную к трем стенкам ниши. В вырезе *оштон* клали топливо, находившееся

³ «Сандали» представляет собой углубление в полу, в которое обычно насыпаются тлеющие раскаленные угли, чтобы в помещении не было угара. Поверх углубления ставится собственно *сандали* — квадратный табурет на низких ножках. Табурет этот сверху накрывается большим стеганым одеялом. Присутствующие рассаживаются вокруг него, просовывая под одеяло ноги и таким образом согреваясь.

⁴ «Хиджра» у ягнбцев — помещение для приема гостей. См.: А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнбцев. ТИЭ, т. 3, вып. I, М.—Л., 1940, стр. 44.

здесь же, в одной из двух ниш, устроенных с двух сторон касаб, и разжигали огонь, на котором готовили горячую пищу. Устроенная так касаб не давала дыму распространяться в помещении.

Основное помещение (6,5 × 3,2 м) в Ёри отапливалось, однако, особым типом камина, называемым повсюду в бассейне реки Зеравшан *кашкарча*. Такой камин не сохранился. По рассказам, он был встроен почти в основание каркасной стены помещения на уровне пола и имел вид трубы. В кашкарча жгли хворост и другие дрова из твердых пород деревьев, отчего в нем накапливалось много золы, которая давала тепло.

Как свидетельствует материал, собранный нами в других местах долины реки Зеравшан, кашкарча является, таким образом, неизменным атрибутом местных гостевых домов как общинных, так и частновладельческих, уступая иногда свое место сандалей (Урметан, Мазари-Шариф). Назначение кашкарча — лишь отопление помещения, и в случае необходимости — кипячение воды для чая. В жилых домах, по нашим материалам, кашкарча отсутствует. Здесь ее заменяет касаб. Устроенная в основной комнате — *хона*, а не в прихожей, как мы это видим в гостевых домах, касаб не только позволяет приготовить пищу, но и согревать до известной степени помещение.

Наблюдения над устройством и планировкой общинных «домов для гостей» показывают, что во многих местах, например, в высокогорных кишлаках Пиньён (левый берег Фан-Дарьи), Рогич (долина реки Магиян), Артуч (долина реки Кштут), очагом служила лишь кашкарча при отсутствии касаб и сандалей. Отсутствие касаб в мужском гостевом доме в Пиньёне, например, информаторы объяснили тем, что в здешней мехмонхона горячая пища вследствие бедности населения не готовилась, ее приносил каждый участник собрания из дома, если у кого-либо в этот вечер она готовилась. Этим существенным, на наш взгляд, моментом, по-видимому, и объясняется отсутствие касаб в гостевых домах упомянутых кишлаков Рогич и Артуч.

К числу характерных особенностей общественных гостевых домов Зеравшана относится также наличие пристроенного иногда к ним маленького помещения — *худжра*, где приезжие городские торговцы, остававшиеся в мехмонхона, оставляли на ночь на хранение свои товары. Размеры одного из таких помещений, зафиксированного нами в Мазари-Шарифе — 2 × 3,3 м. Существование подобной худжра при мужском гостевом доме — обстоятельство, более чем достаточно подчеркивающее одну из главных функций общинной мехмонхона, связанную с законом гостеприимства, нашедшим свое выражение в общественных традициях населения.

Такова в общих чертах зеравшанская традиция устройства общинных «домов для гостей». Добавим лишь, что в этих «домах»

устраивали свои собрания, по-видимому, лица более зрелого возраста — самостоятельные хозяева.

Наряду с общественными гостевыми домами в бассейне реки Зеравшан функцию центра мужских собраний и того же гостеприимства выполняли также частновладельческие «дома для гостей», называемые тем же термином мехмонхона. Последние не потеряли своего значения и в наши дни, кое-где мужские сборища в них проводятся и сейчас. Мехмонхона частного дома, которая в характере своего устройства повторяет черты, свойственные общественной, является, по мнению специалистов по этнографии народов Средней Азии, продуктом разложения общественного гостевого дома. Частновладельческий «дом для гостей» дореволюционного периода был характерен для зажиточных и состоятельных слоев населения и связан с ростом частной собственности и имущественного неравенства.

Следует, однако, отметить, что частновладельческая мехмонхона на Зеравшане вобрала в себя, хотя в несколько измененной форме, те же черты коллективной жизни, о чем было сказано выше. По словам Е. М. Пещеревой, частные гостевые дома в Средней Азии по образцу общинных и вообще жилых домов также строились (и строятся) на основе совместного труда — хашар, в котором принимали участие родственники, соседи и односельчане хозяина. Разница заключалась лишь в том, что хозяин заготавливал необходимые на то строительные материалы и оплачивал труд мастера.

Архитектурное сходство индивидуальных гостевых домов с уже рассмотренными общественными делает излишним более детальное изложение материала, касающегося их устройства. Заметим только, что мехмонхона частного дома (это можно наблюдать и в наши дни) всюду в Зеравшанской долине примыкала ко всему жилому дому-усадебке «хавли» — с одной стороны от главного входа. Частновладельческие «дома для гостей» отапливались здесь либо камином — кашкарча, либо с помощью сандалей, о чем было сказано выше. Чтобы закончить характеристику индивидуальных гостевых домов, нам остается отметить, что, по свидетельству населения, в них по традиции собиралась главным образом молодежь — *бузбалахо*.

Общинному быту зеравшанских таджиков соответствовал и другой «дом», занимавший некогда значительное место в их повседневной жизни. Это — так называемая *худжра*, или, для верховьев Зеравшана, *аловхона* (тадж. — дом огня) — помещение⁵ довольно значительных размеров, которое являлось неотъем-

⁵ Это помещение иногда называют *гуша* — угол. Функция этого помещения обнаруживает много общего с известной в этнографической литературе алоу-хона у других горных таджиков.

лемой частью мечети и функционально имело сходство с мехмонхона.

Говоря о самой мечети, следует отметить, что на Зеравшане она, как это отмечено в этнографической литературе, состоит обычно из квадратного в плане, закрытого помещения с террасой — *айзон*. Наиболее часто встречается двусторонний айван, идущий по двум стенам (Мазари-Шариф, Урметан, Ёри, Майката, Магиян). Мечетей в селениях большей частью было несколько — по числу кварталов — *гузар*. Любопытно в этой связи отметить, что, по нашим наблюдениям, в большинстве случаев мечети расположены на одном краю сельского квартала, у главных улиц или у их стыка.

В характере расположения худжра по отношению к мечети, как видно по сохранившимся мечетям, единой тенденции не было. В одном случае худжра примыкала к мечети, т. е. находилась под одной с ней крышей, составляя единое с мечетью здание (Ёри, Пиньён, Фараб), в другом — она стояла отдельно от нее (Артуч, Реват, Габируд, Падруд). Однако независимо от того, примыкала худжра к мечети или нет, она непременно строилась значительно ниже, чем здание мечети. Небольшая, по сравнению с мечетью, высота помещения этого рода, нередко одностворчатые двери, устроенные с высокими порогами, отсутствие световых проемов — все это свидетельство стремления строителей учесть климатический режим Зеравшана в осеннее и зимнее время года для того, чтобы лучше сохранить в это время тепло в помещении.

Как уже было отмечено, в общинных «домах для гостей» проводили свои собрания люди более зрелого возраста, а молодежь, во всяком случае в последнее время, тяготела к мехмонхона частного дома. Мехмонхона того и другого типа служила в равной степени и приютом для странников. Однако этот же странник всегда мог найти приют и в приметной худжра, но уже не в обществе молодых людей или людей зрелого возраста, а среди немногочисленных глубоких стариков селения.

В отличие от мехмонхона, где коллективные собрания мужчин происходили глухой осенью и зимой, в вечернее время, старики в худжра в большем или меньшем количестве собирались во все сезоны года, приурочивая свой приход к молитвам — *намоз*. Коллективная трапеза, обязательным элементом которой применительно к мехмонхона являлся плов, в худжра не устраивалась. Другая горячая пища также не готовилась. Вечернюю пищу — похлебку, хлеб, чай, молоко — каждый приносил из дома и клал на общий дастурхан, делясь со всеми остальными. Принося свою пищу в худжра, жители селения приглашали к ней и путника, остановившегося провести ночь под крышей этого помещения. Здесь ели также и свою утреннюю пищу — *ношто*. Огонь в по-

мещении разводился в течение всего холодного времени года, два раза в сутки: один раз перед *намози бомдод* (утренняя молитва), а другой раз к вечеру. Костер поддерживался топливом, приносимым участниками объединения из своих домов.

Дрова накладывали горкой в квадратную яму, вырытую в полу, в центре помещения и разводили костер. Во время топки дым наполнял все помещение, так что можно было задохнуться. Поэтому, когда горел костер, собравшиеся располагались вокруг него ничком. Это длилось до тех пор, пока топливо полностью не прогорало и заполнивший помещение дым не начинал выходить через единственное отверстие, сделанное в крыше помещения, над ямой. Это отверстие являлось и единственным источником дневного света.

По рассказам, пока медленно горел костер, велись разговоры на злободневные темы, сообщались новости, оживленно обсуждались цены на базарах Пенджикента и Ура-тубе. Рассказы преданий о пророке Мухаммеде и других персонажах корана, чтение стихов классиков таджикско-персидской литературы, а также повестей средневековых анонимных авторов длились до поздней ночи. После этого все медленно начинали расходиться по домам, кроме гостя, если он имелся, и нескольких подростков, которые оставались ночевать у костра. В некоторых местах здесь же ночевал и *муозин* — лицо, призывающее прихожан к молитве.

В строительстве зеравшанских «домов для гостей» использовались многовековые местные народные традиции зодчества. Мы не коснулись ряда специфических приемов в деталях и конструкциях, к которым в нижнем течении Зеравшана можно отнести колонны с кашитью, двери и ставни световых проемов, украшенные резьбой. Но мехмонхона на Зеравшане на том этапе, на котором мы их застаем, вследствие этих специфических особенностей в архитектурных и конструктивных деталях коренным образом отличались от гостевых домов в равнинных местах Ферганской и Гиссарской долин, для которых характерны курные помещения с устройством единственного очага в виде ямы в полу, в центре мехмонхона. Устройство и обстановка, царившая в «домах для гостей» Ферганской и Гиссарской долин, роднят их с приметной худжра бассейна Зеравшана. Более детальное изучение мужских домов Зеравшанской долины не только с точки зрения их устройства, но и с точки зрения их функций в прошлом послужит ценным материалом для изучения прежних социальных отношений таджиков бассейна реки Зеравшан и других народов Средней Азии.

A solid red vertical rectangular bar is positioned on the left side of the cover, partially overlapping the first letter of the title.

СОЦИАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
НАРОДОВ
АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

¹⁸ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1923, стр. 39, 40.

¹⁹ Там же, стр. 39—40.

²⁰ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II, СПб., 1871, стр. 61.

²¹ Орест Евецкий, Статистическое описание Закавказского края, СПб., 1835, стр. 175.

²² П. К. Услар, Гурийский отряд в 1855 г., — «Кавказский сборник», т. 5, Тифлис, 1880, стр. 259.

²³ ЦГИА, ф. 1268, оп. 12, д. 74, 1868 г.

²⁴ ЦГАА, ф. 58, д. 1. Положение о сельских обществах и их общественном управлении для Сухумского округа.

²⁵ Там же, л. 2.

²⁶ Там же, л. 8.

²⁷ Там же, л. 9, на об.

²⁸ Там же, л. 6, на об.

²⁹ Там же, л. 7.

³⁰ Там же, лл. 2—3—4.

³¹ ЦАУГ, ГИА, ф. 416, д. 400, на 8 л., 1866—70 гг. Док. на 3—6 лл. из фонда Кавказской археографической комиссии. 1866 г., 15—22 июля. Титулярный советник А. П. Черепов, «Краткие заметки о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыбского округа Абхазии». Цит. по: П. В. Гугушвили, Сельское хозяйство и аграрные отношения, т. I, ч. 1, Тбилиси, 1954, стр. 544.

³² ЦГВИА, ф. 482, д. 57, 1835 г. Барон Торнау. Взгляд на настоящее положение Абхазии, л. 8 (рукопись).

³³ Там же, л. 9.

³⁴ ЦАУГ, ГИА, ф. 416, д. 400... Цит. по: П. В. Гугушвили, Сельское хозяйство..., стр. 545.

³⁵ К. А. Бороздин, Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год, СПб., 1886, стр. 73.

³⁶ Г. А. Дзидзария, Народное хозяйство..., стр. 323.

³⁷ ЦГИА, ГССР, ф. 220, д. 877, лл. 35—40. Цит. по: Ш. К. Чхетия, Документы по истории Грузии, т. I, ч. 1, Тбилиси, 1954, стр. 466.

³⁸ «Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакании», стр. 15.

Р. Р. РАХИМОВ

МУЖСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ У УЗБЕКОВ И ТАДЖИКОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Термин «мужское объединение» в среднеазиатской этнографической литературе встречается не часто. Между тем полевые данные об этом архаическом институте, который функционировал еще в недавнем прошлом, постепенно беднеют, и сбор этого материала становится все более затруднительным. На слабую изученность этого весьма древнего института в свое время указывали и специалисты. Автор чуть ли не единственного специального исследования в этой области, Г. П. Снесарев¹, справедливо заметил, что «в этнографической науке сущности этого явления не было уделено должного внимания»². В дореволюционной научной литературе³ имеются общие замечания и отдельные фрагментарные описания некоторых сторон мужских союзов у народов Средней Азии, которые не могут воссоздать достаточно полной и правильной картины этого института.

Среди работ, вышедших за годы Советской власти, можно отметить работы М. С. Андреева⁴, сравнительно подробно описавшего этот этнографический феномен, а также Н. А. Кислякова⁵, А. Н. Кондаурова⁶ и других ученых. В 1948 г. вышла монография С. П. Толстова «Древний Хорезм», основанная на обширном историко-археологическом материале, в которой автор также рассматривает этот институт. Он пишет, что «мужские дома в домусульманской Средней Азии были одним из широко распространенных и общественно значительных бытовых явлений... Именно в них нужно искать наиболее глубокие исторические корни неотделимых от мужских домов „тайных мужских союзов“ Средней Азии»⁷.

Из работ зарубежных авторов непосредственное отношение к среднеазиатскому материалу имеет доклад П. Сной (ФРГ) о гостевых домах и социальном строе таджиков Афганского Бадахшана, прочитанный на VII конгрессе МКАЭН⁸.

Мужские объединения рассматриваются учеными с разных точек зрения: одни исследователи (главным образом, до-

революционные) склонны видеть в мужских объединениях народов Средней Азии в основном развлекательный момент, тогда как другие (С. П. Толстов, Г. П. Снесарев) рассматривают это явление как институт социальный и стремятся определить его социальное значение и функции. Именно с этой точки зрения они пытаются выявить генетические корни среднеазиатских мужских объединений, возводя их происхождение к мужским союзам первобытного общества. Последний подход представляется нам наиболее правильным и интересным. Однако при всем различии в подходах к данному явлению все авторы стараются исходить прежде всего из функций этого института. Так или иначе, для более полного понимания общего облика института мужских союзов в Средней Азии, института, имевшего в прошлом чрезвычайно широкий ареал распространения, необходимо прежде всего подробное изучение всех форм и местных особенностей этого явления. Такое изучение необходимо не только для выяснения его функций в тот или иной исторический период, но и для того, чтобы проследить длительный путь эволюции, которую претерпевал этот институт с течением времени, и для выяснения той роли, которую он играл в истории того или иного народа. Настоящая статья написана на материале, собранном в 1972 г. в Ферганской долине (УзССР).

Полевой материал по мужским союзам в этом районе показывает, что это «по существу остатки древних домов мужчин»⁹, которые функционировали в виде частных гостевых домов, называвшихся в Ферганской долине *гап* (тадж. — беседа, разговор) или *гаплаш*, *гапхури*¹⁰. В недавнем прошлом такие гостевые дома были немаловажной частью повседневной жизни узбеков, узбеков-каракалпаков, узбеков-кипчаков, «сартов», таджиков и других этнических групп, населяющих эту обширную долину. Память представителей старшего поколения сохранила и донине немало воспоминаний о том, как функционировали эти исключительно мужские организации, которые были столь характерны для Ферганского уклада жизни в прошлом.

Организации эти носили прежде всего коллективный характер. Нельзя в этой связи не обратить внимания на количественное выражение групп участников объединений гап. Ферганский гап, по нашим материалам, объединял большей частью от 15 до 25 человек (кишлаки Дарламан, Сарай, Ишан, Араб-Кишлак Андижанской области, Элатан, Варзик, Кара-Курган Наманганской и Уч-Яр Ферганской областей) и редко от 25 до 30 (кишлак Гова Наманганской области). Однако количественная норма членов групп, связанных между собой узами дружбы и общностью интересов, могла быть и меньше. Так, проникшие в глубинные пласты ферганского быта супруги Наливкины указывают, что число мужчин в

таких группах достигало 10—15 и они образовывали «артели»¹¹. Численный состав, отмеченный Наливкиными, совпадает, по нашим материалам, лишь с числом людей, образующих «артель» в Риштане. По Андрееву же, число участников Касанского *гап-хона* (помещение для гапа) колеблется от 10 до 25¹².

На территории Ферганской долины участники гапа — *джура* (друг, товарищ) устраивали свои собрания в течение трех зимних месяцев (по прекращении полевых работ), обычно три раза в неделю. В тех случаях, когда в селении происходило какое-нибудь событие, нравственный долг обязательного участия в нем всех односельчан заставлял джура воздерживаться в этот период от очередного собрания. К таким событиям относились семейный праздник *той* по случаю обрезания мальчика или выдачи замуж девушки, а также похороны и поминки. Не собирались также в дни всеобщих молений, каким являлась пятница — *джума*, а также в базарные дни.

М. С. Андреев замечает, что участники гапа в Касане на свои собрания приходят ежедневно, во все дни недели, за исключением среды, так как этот день является базарным (раз в неделю бывает базар, на который съезжаются странствующие торговцы и приезжают жители окрестных селений). Каждый в этот день бывает более или менее занят, а вечером, по существующему обычаю, во всех домах готовят *палау* (плов), который каждый член джура ест у себя дома, и не приходит на общее собрание¹³. Время, когда члены собрания стекались на свои сборища, — это вечер, после третьего (из пяти совершаемых ежедневно молитв) *намаза*.

Постоянным центром Ферганского гапа была частная гостевая — *меманхана* || *мехмонхона*, принадлежащая обязательно одному из членов «артели» на территории данного квартала — *махалла*. Действующих в зимний период мехмонхона на территории сельской махаллы могло быть от одной до двух-трех и больше, что зависело от величины квартала. Помещение это, как объяснили информаторы, было либо на мужской половине дома, либо примыкало ко двору жилого дома-усады с одной стороны от главного к нему входа или против уличных ворот, помещающихся в южной стене¹⁴.

Наличие мехмонхоны, как правило, свидетельствовало об определенной зажиточности ее владельца. Мехмонхону (это прямоугольное в плане помещение) строили, так же как и жилые дома, особенностью строительной техники которых являлось сравнительно очень малое применение в прошлом каркасных конструкций, что, как полагает Е. М. Пещерева, было связано с недостатком строевого леса¹⁵. Наиболее типичной для местной строительной техники была кладка стен

из сырцового кирпича — *хишт*, изготовляемого в формах, или из формованных вручную продолговатых округлых комков глины.

Мехмонхона, как правило, не имела ни окон, ни каких-либо других отверстий в стенах для освещения. Дневной свет и воздух проникали внутрь через проем, устроенный в крыше, и через входную дверь, когда она была открыта. Однако в целях сохранения теплого воздуха в помещении ее иногда закрывали. Пол был земляной. Посредине помещения в полу имелось небольшое углубление (глубиной от полуметра и больше), в котором разводили костер. «Дымоходом» служило указанное выше отверстие в крыше над очагом. Пока дрова горели, дым наполнял все помещение, так что в нем можно было находиться только полулежа. Мехмонхона от пола до потолка вся была черная от дыма. Такое помещение, «украшенное» слоями насевшей от времени сажки, и служило местом сборищ мужского населения сельского квартала.

Весьма характерно, что повсюду в Ферганской долине для мужских собраний выбирали именно такие курные жилища, — обстоятельство, по мнению М. С. Андреева, «как нельзя более подчеркивающее, что назначение костра, раскладываемого на полу посередине помещения в особом квадратном углублении, называемом старым словом „гульхан“, служит, по существу, не для приготовления пищи (пища готовится за пределами этого помещения. — Р. Р.), а представляет собой традиционный огонь, вокруг которого с давних времен привыкли сидеть собравшиеся, подобно тому, как это делали и их очень отдаленные предки. Это обстоятельство уже сразу сближает теперешние „гап-хона“ и джура с „домами огня“ — *алоу-хона* (курсив авт. — Р. Р.) и с назначением последних у горных таджиков»¹⁶.

Функционирование местных мужских объединений гап заслуживает внимания в том отношении, что в них участвовали лица различного возраста от 15 (иногда от 18, 20, 25) до 60—70 лет (в некоторых местах лишь до 50). Собранный нами материал показывает, что мелкие возрастные градации, отмеченные в других районах Средней Азии, обнаруживают здесь известные особенности. Полученные сведения по этому вопросу в 15 из 18 охваченных кишлаков свидетельствуют о том, что ферганское мужское объединение не относилось к разряду ярко выраженных содружеств сверстников, подобно тем, которые зафиксированы исследователями в Хорезме¹⁷, дельте Амударьи¹⁸, Ташкентской области¹⁹ и других районах Средней Азии. По нашим материалам, в семи случаях лица от 15 (в одном случае от 20) до 40 лет составляют одну группу, а от 40 до 60 — другую. Как видно, разница в возрасте джура — сотрапезников первого разряда — составляет

25, а второго — 20 лет. Столь значительная разница в возрасте позволяла подчас отцам и сыновьям оказаться вместе и являться членами одного «мужского дома». Самую большую разницу в возрасте участников мужских собраний дали сведения, полученные в кишлаке Ишан, население которого в прошлом называли сартами (Андижанская область). Здесь одну группу джура составляли лица от 20 до 50, а другую — от 50 до 70 лет.

Результаты опроса в Янги-Кишлаке, селении на территории Андижанской области, населенном узбеками-каракалпаками, показали, что здесь в мужское объединение принимались юноши, достигшие только 20-летнего возраста²⁰. Придя в объединение, юноша мог оставаться в нем в течение 20 лет, следовательно, лишь в возрасте 40 лет он мог перейти в следующую группу, оставаясь здесь столько же, сколько в первой. Сообщение, полученное в таджикоязычном кишлаке Уч-Яр (долина Сох), позволяет заключить, что здесь в объединение принимали мужчин не моложе 25 лет²¹. Эту группу от следующей отделял интервал в 10 лет. Достигнув возраста 35 лет, он уже переходил в следующую группу, находясь в ней уже не 10, как в первом случае, а 25 лет. Иначе говоря, во вторую группу могли объединяться лица от 35 до 60 лет.

Данные о сравнительно более дробной градации возрастов были получены лишь в кишлаке Эски Хакулабад, расположенном на территории Балыкчинского района. Наш 72-летний информатор Эргашбай Халиков из рода юзов сообщил, что у них существовало правило, по которому в группу гаплаш принимали юношей с 15-летнего возраста. Каждая группа последовательно, одна за другой переходила через три ступени, оставаясь в первой 15, а во второй — 20 лет. Третью группу составляли лица от 50 лет и старше. Существование мужских сообществ в селениях Курук, Элатан, Гова, Кара-Янтак, Риштан показывает на глубокое разрушение учета реального возраста. Соборания этих селений представляли собой объединения смешанных возрастов и не сохранили признаков какой-либо возрастной градации. Например, в упомянутой Гове в каждой махалле было, по единодушному утверждению информаторов, от двух до шести действующих частных гостевых, в которых собирались вместе мужчины от 15 до 60 лет, составляя единое сообщество.

И все же если внимательно прислушаться к рассказам информаторов, то убеждаешься в существовании здесь в прошлом собраний мужского населения по возрастному принципу. Из сообщений видно, что в упомянутой выше Гове у *мингбаши* (букв. — тысяцкий, волостной правитель) была роскошная мехмонхона, где два раза в неделю собирались сыновья аристократической верхушки села (сверстники по-

томка мингбаши) для устройства коллективного времяпрепровождения, обязательным элементом которого была совместная трапеза, организуемая вечером. На эту трапезу сыновья бедняков не допускались. По сообщениям информаторов, участники этого собрания на все события, происходящие в селении: тои, похороны, поминки, ходили все вместе, составляя единую компанию. Также отдельно ходили и их отцы.

Косвенным доказательством существования в Ферганской долине мужских объединений гап по более подробному возрастному принципу являются функционировавшие здесь собрания *джумагап* и *худжра*, члены которых были в основном люди пожилого возраста.

О существовании здесь в прошлом мужских собраний сверстников свидетельствует и то обстоятельство, что их члены друг друга называли *джура* — друг, товарищ. В силу традиций и местных обычаев термин обращения джура употребляется исключительно в разговоре между людьми примерно одного возраста, т. е. между сверстниками, разница в возрасте которых может быть незначительна.

По нашим материалам, объединения мужчин в Ферганской долине, не расчлененным строго по возрастам, соответствовала определенная форма самоуправления. Их руководство не было осложнено. Гапы имели лишь «должностное лицо», которое джура выбирали из своей среды. Им был *джурабоши* (букв. — глава, распорядитель, руководитель товарищей) — как правило, хозяин той мехмонхоны, где члены группы гап проводили свои собрания. Джурабоши обычно становился человеком, хорошо известный в округе, пользующийся авторитетом среди окружающих, обладающий хорошими деловыми и организаторскими способностями. Н. А. Кисляков в этой связи пишет, что на «должность» «джурабоши обычно выбирали человека состоятельного, который имел свою собственную мехмонхону»²². Кроме того, как отмечает М. С. Андреев, один из членов гапа выбирался на должность «бозорчи» — человека, закупающего на базаре необходимые продукты на деньги артели²³.

В обязанности джурабоши помимо предоставления в распоряжение участников гапа своего гостевого дома входило также обеспечение объединения необходимой утварью, контроль за очередностью организации и проведения коллективных трапез. Джурабоши должен был, кроме того, поддерживать огонь в мехмонхоне в дни, когда гап не проводился, устроить, напоить, накормить за свой счет путника или гостя, оказавшись тот или другой в этой мехмонхоне. Зато в дни гаплаша джура из общего котла посылали его семье большое блюдо (*табак*) с пловом. Как видно, семья джурабоши в период функционирования гаплаша не испытывала нужды в

горячей пище и, по существу, была освобождена от затрат и забот, связанных с ее приготовлением.

Интересно, что в собрании джура, согласно выработанному особому этикету, джурабоши никогда не занимал в помещении гапа почетного места. Являясь хозяином дома, он располагался, как правило, рядом с очередным устроителем угощения у входа. Здесь же находились самые молодые, в обязанность которых входило прислуживать участникам собрания. Почетные места занимали люди старшего возраста — аксакалы, умудренные жизненным опытом. Они направляли ход беседы, руководили играми и развлечениями членов группы. Обычно, пока варилась пища, шла болтовня — *чакчак*, сыпались прибаутки, пелись песни, играл музыкант — *машшак*. Затем наступала очередь убежденного сединой сказителя — *улан* (узб.), хранителя народных легенд и преданий, который рассказывал всякий раз целую повесть о совершенных в час испытания подвигах предков.

Коллективные трапезы мужского населения, занимавшие почти главное место в жизни местных товариществ, устраивались таким образом, что необходимые для их проведения материальные затраты члены организации брали на себя по очереди²⁴.

Таким образом, строгая очередность и определенная норма главных видов продуктов была одной из характерных особенностей ферганского гапа. Однако очередность материальных затрат на угощения по всей территории узбекской части Ферганской долины интересным образом сочеталась с принципом складчины. Участники предстоящего сезона гапа, договорившись о его проведении, численном составе и форме объединения, в зависимости от числа джура покупали на общие деньги двух-трех баранов (для заготовки мяса каждый участник вносил от 3 до 10 рублей пая) и тут же их закалывали. С помощью весов (*таразу*) мясо делили по числу членов на равные доли, точно так же поступали и с курдючным салом. Затем эти куски мяса и сала складывали по порциям в глиняные сосуды (*хум*) и оставляли для употребления в течение всего сезона²⁵.

Дележ мяса и сала, а также их складывание в хумы производились так строго, что при этом должны были присутствовать все джура предстоящего гапа. Очищенные ноги, голову и потроха заколотых баранов опускали тут же в общий котел и варили. Сваренную *калапачашурпу* (букв. — шурпа из головы и ног) ели все джура вместе. С этого момента гап и начинал функционировать. За небольшим исключением, эти правила существовали во всех Ферганских мужских собраниях гап, бытовавших преимущественно среди менее зажиточных слоев населения²⁶.

Мы уже отметили выше ту роль, которую играли машша-

ки и уланы (тадж. — киссагу, дostonсаро) в жизни мужских объединений. Следует также добавить, что через них молодые люди, присутствовавшие на собраниях для выполнения различных подсобных работ, узнавали историю и мифологию своего народа, разучивали родные песни и танцы, приобщались к народным традициям, обычаям и нормам жизни, передавая их, в свою очередь, следующему поколению. Эта была одна из важнейших черт местных мужских собраний.

Благодаря этому обстоятельству люди шли в мехмонхону, хотя здесь всегда было темно и дымно. Посещение мехмонхоны означало для них «выход в люди», в общественную жизнь. Эти вечера были центром социальной жизни. Здесь можно было обменяться последними новостями, узнать события, происходящие в округе, высказать свое к ним отношение и обсудить злободневные вопросы. Таким образом, мехмонхона для ферганца являлась местом, где укреплялось чувство единства. Поэтому время, проведенное в собрании джура, оставалось для него самым светлым воспоминанием о прошлом. Эта особенность мужских объединений Ферганской долины во многом роднит их с подобными институтами, существовавшими у других народов, в частности у народов Юго-Восточной Азии²⁷.

Мужские союзы Ферганы являлись не только центром нравственного воспитания молодежи, но и всех его участников, уже прошедших эту школу. Члены товарищества, и стар и млад, были обязаны, находясь за пределами мехмонхоны, строго соблюдать общепринятые нормы поведения и не совершать проступков, противоречащих им. За злостные нарушения правопорядка, к которым относились, в частности, драка, затевавшаяся кем-либо в селении, посягательство на честь и достоинство женщин, воровство и пр., виновника исключали из группы. Если его проступки не являлись столь злостными, представляющими общественную опасность, старики-аксакалы делали ему внушение — *насхат килинадила* или порицали и стыдили его на глазах у всех участников, говоря при этом: «Позор, стыд тебе!». Существовал также целый неписаный как бы «судебник», по которому регулировалась внутренняя жизнь мехмонхоны с точки зрения правил поведения ее членов как внутри нее, так и за ее пределами.

К числу основных черт мужских союзов Ферганы относится также и то, что подобные объединения под одной крышей не только укрепляли чувство единства людей, но и усиливали социальные позиции коллектива. Присутствуя на этих собраниях, люди приобщались к совместному труду. Составляя единую группу взаимопомощи (*хашар*), члены организации гап оказывали друг другу помощь в строительных, ремонтных и других видах трудоемких работ. Силами этих

групп производились, в частности, ремонт и содержание общественных домов. Это не единственная сфера совместного труда джура.

Как видно из информации, полученных в кишлаке Уч-Яр (долина р. Сох), члены местных гапов участвовали не только в коллективном потреблении, но и в коллективном труде. Насколько позволяют судить сообщения, местным «домам мужчин» принадлежала земля, которую обрабатывали члены гапа совместно. Урожай они реализовывали, а полученную сумму использовали на заготовку мяса.

Вообще, практика создания запасов мяса и сала за счет общего пая задолго до его совместного употребления, а также способы их дележа являются характерной чертой ферганских мужских объединений.

В угощениях ферганских товариществ употребляли еще и вино, что, казалось, было несовместимо с морально-этическими принципами функционирования мехмонхоны. В литературе по этому поводу существует мнение, что население Средней Азии начало публично пить вино лишь после прихода сюда русских, но пить умеренно, не допиваясь до бесчувствия. В тех группах, где преобладали люди преклонного возраста, их религиозные убеждения и «благочестивое» настроение не позволяли им употреблять этот напиток. Здесь, возможно, уместно сказать несколько слов по поводу способа приготовления вина и подачи его к *дастурхану* (скатерть), а также о строго выработанном и соблюдавшемся ритуале его питья.

Местное население изготовляло два вида алкогольных напитков: первый — *мусаллас*, приготовляемый из винограда путем смешивания разных его сортов, второй — *буза*, которую гнали из кукурузы (*маккаджугари*) и проса. По сообщениям информаторов, мусаллас употребляли только таджики и «сарты», так как у них всегда был виноград; узбеки-кипчаки и узбеки-каракалпаки пили бузу, так как в их хозяйстве отсутствовало виноградарство, но было маккаджугари и просо. Как сообщил нам 75-летний информатор Мирзорохим Хамидов из кишлака Янги-Курган Наманганской области, джугари, маккаджугари и просо выращивали и «сарты», но дело в том, что мусаллас по своим вкусовым качествам значительно превосходит бузу, поэтому они употребляли мусаллас.

Вино к дастурхану мужских содружеств подавали в глиняных кувшинчиках небольших размеров, а пили из фарфоровых и глиняных чашек — *пиал*. В маленьких компаниях вино пили из одной чашки, передавая ее по кругу в правую сторону, не ставя на скатерть. Е. М. Пещерева²⁸ отмечала в своей книге, что чашу с вином пускали по кругу, причем ставить ее на скатерть, так же как и в других местах, не полагалось; поставивший ее по рассеянности должен был запла-

тить «штраф». Если во время выпивки кончилось вино, а у всех еще было желание пить его дальше, то тот, кому досталось последнее со дна кувшина, должен был идти за новой порцией вина. В интимном кругу обязанности виночерпия — *соки*, обычно веселого и остроумного человека, исполнял кто-нибудь младший из присутствовавших, а в более многочисленных собраниях — *бача* или *чувон* (певцы и танцоры) ²⁹.

Употребление мусалласа и бузы во время мужских собраний делало их веселыми и бурными. К этому прибавлялись еще музыка и танцы. Танцевали либо молодые плясуны из числа самих участников организации гап — *бесакол*, либо специально приглашенные для этого *бача* (красивый мальчик-плясун). Переодевшись в женский наряд, необходимым элементом которого являлся парик с длинными плетеными косами, какие носили местные молодые девушки или женщины, бача развлекал публику своими танцами.

В этой связи нельзя не отметить одно любопытное как бы правило, относящееся к институту бача и зафиксированное нами в Ферганской долине. Мы спрашивали информаторов, имела ли значение этническая принадлежность бача? И почти все они ответили: «Да». Как выяснилось, бача обязательно должен был быть либо таджиком, либо «сартом». Естественно, возникал и другой вопрос: «Почему?». Узбеки-кипчаки, например, объясняли это тем, что кипчаки — народ черный и худой, внешне некрасивый, другое дело — «сарты» или таджики.

Шумные ферганские собрания мужчин нельзя представить себе без различных видов игр и увлечений, без той роли, которую играл бесакол, являясь не только всеобщим кумиром, но и властелином собрания, налагая на не выполнявших его волю порой самые невероятные наказания. Функции этого загадочного во многом персонажа в деятельности мужских содружеств, который являл собой, бесспорно, наследие давно прошедших эпох, заслуживают самого серьезного внимания. Но этого вопроса мы здесь касаться не будем.

Азартные игры были запрещены в кругах мужских собраний. Среди игр наиболее распространенной была игра в «*пача-вазир*» («царя» и «визира»). «Царя» или «визира» выбирали выбрасыванием игровой кости — *ашик* (астрала). Если после броска ашик лег на пол своей выпуклой, широкой стороной, то кидавший его человек становился «царем», а если противоположной — «визиром». Если кость легла на одну из боковых сторон, то бросивший ее так объявлялся «вором», который тут же подвергался наказанию — ударам *дарра* (тадж. — плетью), которую заменял скрученный поясной платок. Количество ударов определял «царь», а «приговор» приводил в исполнение «визир». Затем игру начинали

сначала, так что за вечер смена «царей», «визирей» и «воров» происходила несколько раз.

Материал, собранный в Ферганской долине, свидетельствует о том, что местные объединения не охватывали женщин. Наоборот, существовал принцип, согласно которому женщины строго изолировались от участия в мужских объединениях. Они могли принимать участие только в подготовке трапезы мужчин. Однако обращает на себя некоторое внимание один факт. Заключается он в следующем: в доме участника гаплаша, устраивающего в этот день угощение в мужском клубе, собирались женщины — его соседки, близкие и родственницы. Они приходили с дастурханами (здесь имеется в виду скатерть с угощением) и поздравляли жену устроителя, говоря: «*Мубарак*» (букв. — поздравление), на что хозяйка должна была ответить: «*Кулдук*», т. е. спасибо. Самые близкие родственницы как со стороны мужа, так и со стороны жены допускались к подготовке трапезы.

Собрание женщин в доме устроителя очередного мужского гаплаша принимало форму своеобразной пирушки, где до поздней ночи не затихали звуки бубна (*дойры*) и не прекращались танцы, пение и взрывы хохота. Женщины расходились по домам лишь тогда, когда съедали большую чашу плова, поданную им из общего с мужчинами котла. Таким образом, каждому мужскому гаплашу соответствовал «гаплаш» женский. На пирушку иногда приходили и те женщины, чьи мужья были завсегдатаями одной мехмонхоны.

Нашим информаторам из кишлака Уч-Яр, расположенного в долине р. Сох, мы задали вопрос, существовала ли какая-нибудь разница между местными мужскими собраниями окружающего разнонационального населения. Отвечая на этот вопрос, они сообщили, что, например, в киргизских мужских собраниях — *джоро* участвовали и женщины. Правда, заметил 62-летний Файзулло Ибрагимов, женщины у киргизов занимали в джоро отдельное помещение, но ели из общего с мужчинами котла. Так было до недавнего времени.

До сих пор мы говорили о мужских собраниях гап, действовавших в зимний период в частных гостевых-мехмонхонах, расположенных поквартально. Но в Ферганской долине существовали собрания и другого по своему организационному принципу типа. В упомянутой выше Гове мы получили любопытное сообщение, которое свидетельствует о том, что мужчины, которым исполнилось 60 лет, не имели более права участия в местном гапе. Считалось, что для этого они стали стары. Поэтому с этих пор их место было не в шумной мехмонхоне, а в небольшой худжре — особом общественном помещении при мечети, называемом в горных кишлаках Таджикистана *алоу-хона*. В худжру ежедневно в определенное время сходились пожилые мужчины селения, приурочивая

свои собрания к совершению намазов. Сидя вокруг пылающего зимой костра, разводимого, так же как и в мехмонхоне, в углублении посреди помещения, они коротали время в разговорах, ели пищу, которую каждый приносил из дома.

Немного ближе к мужским объединениям джура стояли *джумагапы*, действовавшие в течение летнего периода по всей Ферганской долине. Собрания этого типа, получившие свое название от *джума* (пятница), функционировали только один раз в неделю по пятницам, после полуденной молитвы. Сошлемся на упомянутый выше кишлак Гова, состоявший тогда почти из тысячи дворов. На его территории было 12 мечетей, две из которых были пятничными — *джуманамаз мачит*. Эти объединения создавались состоятельными прихожанами той или другой джуманамаз мачит, главным образом сельской аристократической верхушкой. Они начинали действовать с момента созревания винограда, дынь и арбузов. Материальные затраты для угощений члены джумагапа брали на себя поочередно. Устроитель угощения мог пригласить своих сотрапезников к себе домой, но мог устроить обед и где-нибудь в другом месте — в саду или на берегу реки. Поскольку у членов этого типа объединения не было постоянной базы, они всякий раз заранее договаривались о месте следующего времяпрепровождения. По словам информаторов, в Гове в джумагап входило не более 10—12 человек. Обязательным условием существования и функционирования джумагапа было обилие фруктов и овощей в течение сезона. За это время члены джумагапа проводили 10—12 собраний. Расходились они в сентябре — к началу сезона уборки хлопка и поздних зерновых. Членами говинского джумагапа, как отмечалось выше, были состоятельные люди селения.

Несколько иные порядки существовали в Кара-Янтаке. Здесь на джумагапы собирались до 50 человек. Однако угощение устраивал не один человек, как в Гове, а четыре — сообща. В этом случае число собраний сокращалось вчетверо и соответственно сокращались затраты. Они были не обременительными для участников джумагапа, состоявшего из середняков. Столь необычное для ферганских гапов число участников джумагапа в Кара-Янтаке объясняется тем, что местный гап охватывал главным образом крестьян-середняков, а также тем, что они не были зависимы от помещения и проводили свои собрания под открытым небом.

В этом джумагапе право участия имели только люди пожилого возраста, о чем свидетельствует тот факт, что лица 50-летнего возраста, которые (так же как и в Гове) не могли считаться членами обычного гапа, действующего в зимний период, присоединялись к членам джумагапа.

В заключение хочется сказать, что изучение «домов мужчин» Ферганы представляет большой интерес для истории

народов Средней Азии, так как имеет глубокие генетические корни. Поэтому, как правильно отмечает Г. П. Снесарев, пока в памяти старшего поколения еще сохраняются данные о бывших мужских объединениях, этнографическая наука обязана этим воспользоваться³⁰.

¹ Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии, — «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7, М., 1963, стр. 155—205.

² Там же, стр. 155.

³ А. Д. Гребенкин, Таджики, — «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872, стр. 16; А. Хорошхин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 125; Г. А. Арндаренко, Дарваз и Каратегин, — «Военный сборник», СПб., 1883, № 12, стр. 310 и сл.; его же, Досути в Туркестане, СПб., 1889, стр. 56—57; В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 127—128; Н. Остроумов, Сарты, — «Этнографические материалы», вып. I, Ташкент, 1896, стр. 72; А. Шишов, Сарты, ч. I. Этнография, — «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области», т. XI, Ташкент, 1904, стр. 164; Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения, Пг., 1916, стр. 353—355; М. А. Варыгин, Опыт описания Кулябского бегства, — «Известия Русского географического общества», т. I, II, вып. 10, 1916, стр. 169.

⁴ М. С. Андреев, По этнографии таджиков, — «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 163—165; его же, Таджики долины Хуф, вып. I, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. VII, Сталинабад, 1953, стр. 117—119; его же, Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Север Ферганы), — «Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1928, стр. 117—119.

⁵ Н. А. Кисляков, Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, — «Труды Института антропологии, этнографии и археологии АН СССР», т. X, М.—Л., 1936, стр. 115—120; его же, Некоторые материалы по этнографии таджиков верховий Кашка-Дарьи, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. 120, Сталинабад, 1960, стр. 89; его же, Очерки по истории Каратегина, изд. 2, Душанбе, 1954, стр. 103; его же, Семья и брак у таджиков, — «Труды Института этнографии, новая серия», т. XLIV, М.—Л., 1959, стр. 26.

⁶ А. Н. Кондауров, Некоторые материалы по этнографии ягнобцев, — «Советская этнография», 1935, № 6, стр. 104—106; его же, Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев, — «Труды Института этнографии», т. III, вып. I, М.—Л., 1940, стр. 23—25.

⁷ С. П. Толстов, Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, стр. 317.

⁸ P. Snou, Gasthaus und Sozialordnung bei Tadschiken in Badakhschan Afghanistan, — «Труды МКАЭН», т. 10, М., 1970, стр. 14—19.

⁹ М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 119.

¹⁰ Термин *гаплаш* происходит от таджикского слова *гап* + узбекский суффикс — *лаш*, образующий имена существительные. Термин *гапхури* образован от того же таджикского слова *гап* + основа настоящего времени *хур* от глагола *хурдан* (есть, пить) + суффикс *и*, образующий отвлеченные имена существительные.

¹¹ В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта..., стр. 127.

¹² М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 117, 118.

¹³ Там же.

¹⁴ Е. М. Пещерева, Домашняя и семейная жизнь, — «Культура и

быт таджикского крестьянства», — «Труды института этнографии, новая серия», т. XXIV, М. — Л., 1954, стр. 126.

¹⁵ Там же, стр. 112.

¹⁶ М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 118.

¹⁷ Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов...

¹⁸ К. Л. Задыхина, Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии, — «Труды Института этнографии, новая серия», т. XIV, 1951, стр. 157—179.

¹⁹ С. М. Мирхасилов, К истории общественного быта узбеков, — «Советская этнография», 1963, № 5, стр. 116—121.

²⁰ По-видимому, акт приема в ферганский гап обставлялся определенными церемониями. Что представляли из себя эти церемонии, сказать трудно. Но ясно одно: в то или иное объединение «претендента» принимали при условии, если в результате своеобразного предварительного «тайного» опроса он получал абсолютное большинство голосов участников этого объединения. При этом прежде всего во внимание принималась его материальная обеспеченность. Вступление мужчины в организацию гап не могло не отразиться на питании женщин и детей в малосостоятельных семьях, основными элементами пищи которых являлись хлеб и фрукты. Справедливо отмечают Наливкины, что, идя в собрание джура, «муж и отец становится малозаинтересованным в качестве и количестве домашней трапезы, в которой он не участвует, а потому и питание семьи значительно ухудшается» (см.: В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта..., стр. 128).

²¹ М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 117. Автор отмечает, что в Касанских гап-хона джура начинают участвовать не раньше 20 лет, т. е. с такого времени, когда участник способен сам зарабатывать деньги, чтобы вносить *тукма* (свой пай) на расходы и свой членский взнос.

²² Н. А. Кисляков, «Аловхона» — «дом огня» у таджиков, — Основные проблемы африканистики, М., 1973, стр. 92 (рукопись статьи).

²³ М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 118.

²⁴ Угощение джура-сотрапезников обычно состояло из плова, который специально приготавливали к вечеру. Всегда имелся готовый чай. Его пили по желанию. В ряде случаев подавали суп — *шурпу*. Так практиковалось в зажиточных слоях населения. Для приготовления трапезы участники гапа на весь сезон функционирования собрания избирали из своей среды повара или же готовили поочередно.

²⁵ В малочисленных собраниях, где угощения проводились в два-три цикла, подобные запасы делались два-три раза.

²⁶ Исключением, по нашим материалам, является собрание *тукма*, бытовавшее, по-видимому, среди более состоятельных людей. Сведения, полученные нами в кишлаке Сох, говорят о том, что здесь каждый член *тукмы* приносил в мехмонхону для угощения своих сотрапезников все необходимые для этого продукты, включая мясо и сало.

Говоря о форме производства расходов собраний у мужчин в Касанском районе, М. С. Андреев отмечал, что в некоторых клубах-артелях все расходы производились за счет членских взносов, в других на собранные деньги покупали только мясо, сало, уголь и еще некоторые предметы, а хлеб, рис (на плов), дрова, чай и пр. приносили по очереди те члены, очередь которых падала на данный день (см.: М. С. Андреев, Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 117).

²⁷ См.: С. А. Маретина, «Дом холостяков» у народов Юго-Восточной Азии, — «Тезисы IV научной конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», Л., 1972, стр. 44—47.

²⁸ Е. М. Пещерева, Гончарное производство Средней Азии, — «Труды Института этнографии, новая серия», т. XLII, М., 1959, стр. 293 и сл.

²⁹ Там же, стр. 293.

³⁰ Г. П. Снесарев, Традиция мужских союзов..., стр. 205.

Р. Я. РАССУДОВА

ИЗДОЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ РАЙОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ (конец XIX — начало XX в.)

Период конца XIX — начала XX в. является чрезвычайно важным в социально-экономической жизни народов Ферганской и Зеравшанской долин, т. е. территорий, входивших в течение полувека в состав Российской империи. Известно, что в результате присоединения Средней Азии к России были ликвидированы феодальная раздробленность районов и непрерывные междоусобицы. Царское правительство уничтожило также феодальные привилегии местной знати, объявив все земли принадлежащими государству и стало взимать налоги со всех землевладельцев. В связи с этим были отменены различные сборы и натуральные повинности в пользу ханских чиновников, поземельно-натуральный налог был заменен денежной формой (в 1900 г.), а размер его ограничен 10%¹.

Для капиталистической России Средняя Азия являлась в первую очередь рынком сбыта и источником сырья, а в начале XX в. стала еще хлопковой базой для русской текстильной промышленности. Оживлению хозяйственной жизни способствовало также строительство железных дорог, приведших к разрушению экономической замкнутости отдельных районов и дальнейшему развитию товарно-денежных отношений. В результате совокупности всех мероприятий царской России, проведенных в этом районе, в торговлю и рыночные связи вступали непосредственные производители, в том числе и крестьяне.

Не менее важным результатом аграрных и налоговых преобразований в рассматриваемых районах является, с одной стороны, изменение направления земледелия, которое все больше становилось хлопководческим, т. е. товарным, с другой стороны — некоторые изменения социального состава земледельцев в сельских общинах. В этот период появились новые социальные классы и подверглись изменению старые, появился класс буржуазии (сельской и городской) и класс промышленного и сельского пролетариата.